

АДЪЮТАНТ МАРШАЛА НЕЯ

Записки Фезенсака, 1804–1811

РАЙМОН ДЕ МОНТЕСКЬЮ-ФЕЗЕНСАК

Раймон Монтескью-Фезенсак Адъютант маршала Нея. Записки Фезенсака, 1804–1811

<https://litres.ru/74508614>

SelfPub; 2026

Аннотация

Первая книга воспоминаний Раймона де Монтескью-Фезенсака (Raymond de Montesquiou-Fézensac) охватывает 1804–1811 годы: от Булонского лагеря и взятия Ульма до Йены, Эйлау, кампаний в Польше, Испании и Австрии, где он служит адъютантом маршала Нея, одного из самых знаменитых маршалов наполеоновской эпохи, «храбрейшего из храбрых». Спустя более полутора веков после французского издания воспоминания Фезенсака впервые выходят на русском языке. О походе в Россию и падении Империи — в следующих книгах.

Содержание

Предисловие автора	4
Глава I. Лагерь Монтрёй	6
Глава II. Кампания 1805 года. Часть первая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Раймон Эмери де Монтескью-Фезенсак Адъютант маршала Нея. Записки Фезенсака, 1804–1811

*Скажу: «Я там был — и вот что со мною
приключилось».*
Лафонтен

Предисловие автора

Благожелательный приём, оказанный моему «Дневнику похода в Россию», побуждает меня опубликовать все мои военные воспоминания — от поступления на службу в 1804 году и до конца Империи. Я долго колебался, стоит ли занимать читателя столь личными подробностями; но эти подробности неразрывно связаны с большими военными событиями, они отражают нравы и дух того времени. Не имея намерения что-либо добавить к «Истории Консульства и Империи» и тем более не претендуя разделить её блестящий и заслуженный успех, доброволец 1804 года, рассказывающий

о том, что происходило на его глазах, надеется хотя бы на некоторую снисходительность читателя!

Глава I. Лагерь Монтрёй

Планы высадки в Англии. — Моё прибытие в лагерь 59-го полка. — Моя служба в низших чинах. — Я назначен подпоручиком. — Снятие лагерей. — Выступление в Германию.

Я поступил на службу в 1804 году, будучи двадцати лет от роду. Я давно желал посвятить себя военному делу, но различные обстоятельства мешали моим родителям согласиться на это раньше. Вопрос был в том, с чего начать. В двадцать лет Военная школа мне уже не подходила. Оставалось лишь поступить рядовым. Я думал о кавалерии, как и все молодые люди. Г-н Лакюэ, друг нашей семьи, предложил мне вступить в 59-й пехотный полк, которым он командовал в звании полковника. Я согласился, сам не зная, на что иду, не имея ни малейшего понятия о поприще, которое собирался избрать, и впоследствии мне не пришлось об этом пожалеть: ибо именно пехоте я обязан всем своим продвижением по службе. Я выехал из Парижа в сентябре 1804 года, чтобы присоединиться к армии, собранной на берегах Океана, в состав которой входил 59-й полк. Прежде всего я должен рассказать о составе и расположении этой армии.

Желая поразить Англию в самое сердце, Император решил напасть на неё в её собственных пределах и не отступил перед трудностями и опасностями подобного предприятия. Он собрал на берегах Океана три армейских корпуса

численностью примерно по 25 000 человек каждый и резерв в 40 000 человек.

Эти корпуса располагались лагерем справа налево: в Амблетёзе — маршал Даву; в Булони — маршал Сульт; в Этап-ле — маршал Ней.

Резерв составляли императорская гвардия, одна итальянская дивизия и три дивизии драгун. Кроме этих войск, на крайнем правом фланге, в лагере под Утрехтом, находилось 12 000 человек; на крайнем левом — 10 000 в Бресте. Таким образом, общая численность армии составляла по меньшей мере 150 000 человек. Тем временем шла подготовка к вооружению и оснащению 400 полевых орудий и большого осадного парка. Со всех сторон свозили огромные запасы — продовольствие всех видов на три месяца. Столь многочисленную армию со всем её снаряжением предстояло переправить в Англию прямо на глазах у неприятельского флота. После многочисленных испытаний решили использовать канонерские шлюпки, канонерские лодки и пениши¹. Последние, более лёгкие, предназначались только для перевозки пехоты; остальные должны были перевозить артиллерию, продовольствие и некоторое количество лошадей. От двенадцати до тринадцати сотен таких судов было достаточно, чтобы перевезти 120 000 человек, а также полевую артиллерию, продовольствие и боеприпасы на несколько дней. Другая транс-

¹ Пениш или спитс — распространённый прежде всего в Бельгии, Нидерландах и Франции тип грузового речного судна. (Прим. пер.)

портная флотилия, состоявшая из судов, использовавшихся для каботажного плавания и рыболовного промысла, должна была перевозить лошадей, осадную артиллерию, все запасы продовольствия и боеприпасов. Для этого было достаточно 900 или 1000 судов. Позднее дивизии, сосредоточенные под Утрехтом и в Бресте, должны были погрузиться на французский, голландский и испанский флоты.

Но осуществление этого плана было сопряжено с трудностями, перед которыми отступил бы даже самый предприимчивый и бесстрашный гений. Нужно было построить суда во всех портах Франции, стянуть их в Булонь, Амблетёз и Этабль, минуя английские патрулирующие эскадры, привести эти три порта в состояние, годное для их приёма, провести учения по погрузке и высадке как материальной части, так и личного состава; нужно было построить на побережье склады, необходимые для провианта и снабжения армии, обеспечить её продовольствием и организовать работу госпиталей. Читатель найдёт у историков того времени, и прежде всего у г-на Тьера, самые интересные подробности обо всём этом. Позднее я расскажу, какими средствами и в какое время предполагалось осуществить высадку, а также о причинах, которые заставили последовательно откладывать это предприятие и в конце концов от него отказаться.

В сентябре 1804 года, с которого начинается этот рассказ, армия уже была сосредоточена в лагерях, а её материальная часть завершала организацию. Прежде всего я должен рас-

сказать о составе лагеря Монтрёй, в который входил 59-й полк и который составлял левый фланг армии.

МАРШАЛ НЕЙ, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ

1-я дивизия. Генерал Дюпон.

— бригада генерала Руйе: 9-й лёгкий полк (полк. Мёнье).

— бригада генерала Маршана: 32-й линейный (полк. Дар-рико), 96-й линейный (полк. Барбуа).

Полки состояли из двух батальонов, каждый из которых был укомплектован до 800 человек.

2-я дивизия. Генерал Луазон.

— бригада генерала Виллатта: 6-й линейный, 39-й линейный.

— бригада генерала Роге: 69-й линейный, 72-й линейный.

Кавалерия расквартирована в окрестностях.

3-я дивизия. Генерал Партуно, затем Малер.

— бригада Марконье: 25-й лёгкий, 27-й линейный.

— бригада Лабассе: 50-й линейный (полк. Ламартиньер), 59-й линейный (полк. Лакюэ).

Кавалерийская бригада.

10-й егерский (полк. Кольбер), 3-й гусарский (полк. Лебрен, сын архиказначея, впоследствии герцога Плезанского).

Всего, считая артиллерию и инженерные войска, — 20 500 человек.

Маршал Ней слишком хорошо известен, чтобы мне нужно было рисовать здесь его портрет. Я расскажу о нём подробнее позже — там, где речь пойдёт о том времени, когда я

имел честь служить при маршале. Именно в лагере Монтрёй он освоил навык управления большими массами войск и командования пехотой — родом войск, к которому на протяжении всей последующей жизни он испытывал особое приращение.

Генерал Партуно, командовавший дивизией, в состав которой входил мой полк, только что покинул армию после ссоры с маршалом по поводу одного из манёвров. Бригадные генералы Лабассе и Марконье были старыми вояками; последний отличался весьма своеобразным характером, как мы ещё увидим впоследствии.

Полковник Жерар Лакюэ, командовавший 59-м полком, сочетал в себе доброе сердце с большим умом и пылким воображением. Первый консул, который был к нему расположен, взял его к себе адъютантом. Однако республиканские убеждения Лакюэ и сочувствие, которое он проявил к генералу Моро во время его процесса, навлекли на него немилость его генерала; именно чтобы выразить своё недовольство, тот назначил его командиром 59-го полка.

— Я даю вам один из худших полков армии, — сказал он ему. — Вы должны сделать его одним из лучших.

Никто не подходил для этой задачи меньше, чем Лакюэ. Будучи скорее светским человеком, чем военным, он не знал всех тонкостей службы; он никогда не служил в пехоте. Ему предшествовал полковник, который расхитил полковую кассу и не стеснялся говорить, что фузилёрные роты могут хо-

дить в лохмотьях, лишь бы у него были красивые сапёры, хороший оркестр и отличная гренадерская рота. Из-за плачевного состояния обмундирования 59-й полк даже получил прозвище «Королевский растрёпанный». Лакюэ, неспособный навести порядок в таком хозяйстве, с полным основанием говорил, что предоставляет квартирмейстеру действовать по своему усмотрению, поскольку, стоит ему самому начать вникать в дела, как квартирмейстер всё равно его обманет. Манёвры нравились ему больше, чем административные дела, и вскоре он научился хорошо командовать своим полком.

Что касается морального состояния полка, то здесь он преуспел так, как и следовало ожидать от человека его склада. Однако порой ему вредили именно его достоинства. Он был слишком умён для своих подчинённых и не всегда умел говорить с ними на понятном им языке. Его похвалы были для них слишком тонкими, а упрёки — слишком горькими. И всё же многие офицеры его любили, а уважали и почитали его все без исключения.

Я прибыл в лагерь в начале сентября 1804 года. Отправившись навестить полковника Лакюэ, я поехал вместе с ним в Монтрёй, где должен был провести несколько дней. Поговорив со мной, он сказал, что поражён тем, насколько я чужд тому ремеслу, которому собираюсь посвятить себя. Признаюсь, моё невежество и в самом деле было таково, что я с удивлением узнал, что в полку есть гренадеры: я полагал, что гренадеры составляют отдельные корпуса. Он сказал мне,

что, если бы он руководствовался лишь своей привязанностью к моей семье и ко мне, то избавил бы меня от всех тягот военной службы: я стал бы его секретарём, и моё общество было бы для него приятным и утешительным среди той ссылки, на которую он был обречён; но что речь идёт обо мне, о моей военной карьере, и мне предстояло научиться понимать людей, которыми мне когда-нибудь будет суждено командовать, а добиться этого можно было лишь живя вместе с ними.

— Живя с солдатами, — добавил он, — узнаёшь их достоинства; в других обстоятельствах видишь лишь их пороки.

Слова, полные глубокого смысла, справедливость которых я впоследствии вполне оценил. Итак, мне следовало смириться с тем, чтобы стать настоящим солдатом, пройти службу во всех чинах, ни в чём не отличаясь от остальных. Он призвал меня проявить мужество, терпение и стойкость перед этим тяжёлым испытанием, которому суждено было продлиться долго. Я заверил его в своей готовности подчиниться судьбе и отправился в лагерь, не имея ни малейшего представления о том, что меня ожидает, но решив всё выдержать и дойти до конца.

Я уже говорил, что лагерь Монтрёй составлял левое крыло армии Океана. На самом деле его следовало бы назвать лагерьм Этапля, поскольку бараки были разбиты неподалёку от этого небольшого города, на правом берегу Канша, близ его устья, в двенадцати километрах от Монтрёя: первая дивизия

располагалась за деревней Камье, лицом к морю; вторая — побригадно справа и слева от Этапля; третья — в полутора километрах позади. Наша дивизия располагалась следующим образом: справа налево — 25-й лёгкий, 59-й и 50-й полки. 27-й полк располагался на левом берегу Канша, в деревне Сен-Жосс, и потому составлял крайний левый фланг всей армии.

Как видно, боевой порядок здесь соблюдался не вполне строго; но поскольку расположение нескольких полков изменилось, не стали производить новые перемещения лишь для того, чтобы восстановить порядок номеров, что было вполне разумно. Три полка располагались в одну линию, а лагеря были разбиты согласно уставным принципам. Здесь я позволю себе несколько подробностей для тех читателей, которым военные уставы незнакомы.

На каждую роту приходилось по четыре барака, построенных в два ряда; каждый вмещал 16 человек, то есть всего в них могло разместиться 64 человека. Для батальонов, укомплектованных до 800 человек, этого было мало: на каждую из девяти рот приходилось почти по 90 человек. Но поскольку многие солдаты имели разрешение работать в городе, а другие отсутствовали по разным причинам, то этих мест было достаточно.

Кухни, по одной на роту, располагались позади; за ними, на той же линии, стояли бараки унтер-офицеров и маркитантов, затем — бараки офицеров, а позади каждого батальона

— барак его командиров; полковник размещался за центром полка.

Устав предписывал хранить оружие на козлах перед первым рядом барачных. От этого правила отступили, разместив ружья прямо в бараках, что было разумнее: ведь за время столь долгого пребывания в лагере оружие пришлось бы постоянно подвергать воздействию непогоды.

Устав также предписывал размещать унтер-офицеров вместе с рядовыми. В лагере Монтрёй их поселили отдельно, позади: фельдфебель², фурыер³ и четыре сержанта каждой роты занимали один барак. Это было удобно, поскольку фельдфебелю, которому вверялись денежные средства роты, требовался большой стол для ведения записей.

С точки зрения дисциплины такое устройство имело и свои достоинства, и недостатки. Отделённые от солдат сержанты не могли осуществлять столь же постоянный надзор; во время моей службы простым солдатом и капралом я видел немало такого, что от них ускользало. Но их больше уважали оттого, что видели реже, и я думаю, в конечном счёте, так было даже лучше.

Барачники были углублены в землю на метр, отчего в них бы-

² Фельдфебель — старший унтер-офицерский чин. Являлся ближайшим помощником командира роты по обучению, хозяйству и внутреннему порядку. (Прим. пер.)

³ Фурыер — младший чин унтер-офицерского состава, который занимался размещением войск на квартиры, а также заготовкой продовольствия и фуража. (Прим. пер.)

ло очень сыро. Спальное место представляло собой большие нары, на которые расстилали солому, а поверх неё — шерстяное одеяло. Каждый ложился прямо на это одеяло, завернувшись в холщовый мешок; вещевой ранец служил подушкой. Затем сверху на всех набрасывали ещё одно шерстяное одеяло. Получалось, что спали все вместе — и всё же каждый отдельно. Нередко какой-нибудь солдат скрашивал длинные зимние вечера, рассказывая историю. Чтобы убедиться, что его слушают, он время от времени прерывался и говорил: «Крик!» — те, кто ещё не спал, отвечали: «Крак!»; если же все молчали, то рассказчик и сам засыпал.

Солдаты получали продовольственный паёк: казённый хлеб и белый хлеб для супа, мясо, сушёные овощи, водку и уксус. На рынке они покупали только свежие овощи и картофель. Ели они вместе с капрами из котелков, рассчитанных на шесть-семь порций. Сержанты каждой роты питались отдельно. Одни лишь фельдфебели вместе с адъюданами⁴ питались у маркитантов на содержании.

Обед состоял из превосходного наваристого супа с овощами и небольшой порции говядины; ужин — из картофеля, приготовленного на плохом сливочном масле с луком и уксусом. Казённый хлеб был чёрным; рожь, входившая в его состав, придавала ему кислый и неприятный вкус. Водка

⁴ Адъюдан — старший унтер-офицерский чин во французской армии, стоявший выше фельдфебеля. Адъюдан был помощником адъютант-майора по строевой службе и внутреннему порядку в батальоне. Не путать с адъютантом (франц. *aide de camp*) — офицером при генерале или маршале. (Прим. пер.)

предназначалась для того, чтобы улучшать вкус воды, и пить её отдельно запрещалось, — нетрудно себе представить, что этот запрет нередко нарушался.

Обмундирование было причудливым и неоднородным — время было переходное. Парадная форма сохраняла покррой старого режима, отличаясь лишь цветом: синий мундир с белыми лацканами и красными кантами, французского покроя; длинный белый жилет с фалдами; белые штаны с длинным гульфиком, без подтяжек; чёрные гетры до колена, напоминавшие закатанные чулки стариков из «Комеди Франсез»; треуголка, надетая прямо; коротко остриженные волосы с хвостиком без пудры. Офицеры заменяли длинные гетры сапогами с отворотами — странная мода для пехоты. Эта форма, совершенно не соответствовавшая привычкам того времени, никак не могла быть повседневной.

В повседневной форме зимой носили скверную суконную шинель, а летом — холщовую блузу, форменную шапку, холщовые или грубосуконные брюки, в зависимости от времени года, закреплённые подтяжками, и белые или серые холщовые гетры. Вне службы разрешалось носить некоторые предметы вольного покроя, а тем, кто мог их достать, — даже сапоги. Наконец, форма самого щеголеватого фельдфебеля того времени заставила бы сегодня покраснеть от стыда последнего солдата⁵.

⁵ Реформу причёсок начали с дивизии гренадеров, собранной в Аррасе: они носили киверы и коротко стригли волосы. (Прим. авт.)

Вот такими должны были стать моё жильё, моя одежда, моя еда и моё общество.

Г-н Лакюэ определил меня в роту к хорошему капитану, и начало моей военной карьеры вышло довольно забавным. Когда я поступил на службу, мой капитан любезно проводил меня на склад, чтобы выдать мне обмундирование. Я попросил старшего портного как можно скорее прислать мне форму. В ответ он лишь улыбнулся.

— Вы не знаете нашего местного обычая, — сказал мне капитан. — Здесь форму солдатам не приносят: они сами приходят за ней.

По дороге обратно в лагерь я сказал ему, что в таком костюме чувствовал бы себя актёром на сцене; шутка весьма неуместная для разговора с офицером, который сам когда-то был солдатом.

— Понимаю, — ответил он, — но боюсь, спектакль покажется вам слишком долгим. А вы знаете: за купленный билет денег не возвращают.

Мне приятно таким образом поддержать репутацию моего первого капитана как человека умного, пусть даже за свой собственный счёт.

Затем я поселился в своём бараке, где меня приняли очень хорошо; мои красивые часы, бельё из тонкой ткани и довольно туго набитый кошелёк вызвали всеобщее восхищение. По роте тотчас разнеслась молва, будто я проедаю по луидору в день, — так солдаты выражают представление о

богатстве.

Поскольку час обеда уже миновал, для меня сохранили порцию в небольшом глиняном горшке. Я похвалил повара, ещё не зная, что у военных принято ругать всех подряд и находить плохим всё, что им дают.

Уже на следующий день я окончательно превратился в солдата. Одетый по форме с головы до ног, я ел вместе со всеми из общего котелка и спал со своими товарищами; я начал осваивать строевую подготовку, которая давалась мне с некоторым трудом: ружьё с непривычки казалось тяжёлым, да и руки у меня всегда были довольно слабыми.

Зато теоретическая подготовка давалась мне гораздо лучше: моей неутомимой памяти она казалась детской игрой. Поэтому мои успехи в этой области снискали мне немало похвал.

Полковник нарочно не делал для меня никаких исключений; он не приглашал меня к себе, хотя всегда принимал очень хорошо. Послушный его наставлениям, я безропотно исполнял солдатские обязанности — за исключением двух вещей, которых он так и не смог от меня добиться.

Первая — это хозяйственные наряды. Я понимал пользу от того, чтобы самому заниматься строевой подготовкой, разбирать и собирать ружьё, знать все его части и изучать теорию. Но подметать улицы лагеря, убирать барак, готовить пищу — причём, без сомнения, так скверно, что её никто не смог бы есть, — какая мне от этого была польза?

Я упорствовал, и товарищи были этому только рады, поскольку каждый из них охотно заменял меня за несколько су⁶.

Второе, против чего я восстал, — это короткая стрижка и хвост. Впрочем, открыто противиться я не решался: моя двадцатилетняя щёгольская гордость не нашла бы снисхождения. Поэтому было решено подождать, пока волосы у меня отрастут подлиннее, но ротный парикмахер, по сговору со мной, подстригал их мне каждые восемь дней.

Если я и бунтовал против скучных нарядов, то сам напрашивался на те, что могли показаться более тяжкими. Через несколько дней после моего прибытия потребовалось перевезти в лагерь камни. Я попросил разрешения присоединиться к тем, кого назначили на этот наряд, и, как все остальные, впрягся в маленькую тележку, приготовленную для перевозки.

Два дня спустя понадобилось выполнить ещё один, более тяжёлый наряд. О нём я рассказал в письме матери следующими словами:

«Нужно было отправиться с наступлением ночи в лес, расположенный в двух льё⁷отсюда, нарубить там очень длинных и толстых, а потому очень тяжёлых жердей и принести их на

⁶ Су — мелкая французская денежная единица, равная 1/20 франка. (Прим. пер.)

⁷ Льё (или льё) — старинная французская мера длины. Равна 4,44 км. (Прим. пер.)

плечах обратно в лагерь. От этого наряда я был освобождён, но сам вызвался его выполнить. Поначалу ничто не казалось мне таким тяжёлым, как идти с подобной ношей на плечах. Однако, едва я вернулся в лагерь, как перестал чувствовать и боль, и усталость. Зато я получил возможность доказать товарищам свою храбрость и усердие, ночью обнаружил, что моя солома — превосходная постель, а на следующий день мой ранец показался мне совсем лёгким.

Когда обстоятельства обрекают человека на суровую жизнь, лучше всего добровольно взвалить на себя ещё более тяжёлое испытание. Тогда то, что должно было утомлять, начинает приносить отдых, а то, что казалось жертвой, становится вознаграждением».

Это письмо имело большой успех в моей семье, и по этому поводу г-н Моле написал мне чрезвычайно любезную записку; он уверял меня, что последовал бы моему примеру, если бы семейные традиции не связали его судьбу с юриспруденцией.

Солдатом я лишь однажды стоял на посту: меня поставили у входа на склад обмундирования, но я оставил свой пост. Сразу добавлю, что был вправе так поступить: мой капрал находился там же и не возражал. Второй раз мне довелось стоять на посту почти полвека спустя — уже в составе национальной гвардии, у входа в казарму на улице Пепиньер, после 1848 года; на этот раз своего поста я не оставил.

При моей репутации богатого человека было вполне есте-

ственно, что от меня ждали угощения в честь моего прибытия. Полковник сказал мне, что с моей стороны было бы любезно устроить его, но что не следует позволять товарищам навязывать мне это. Солдаты заговорили со мной об этом, а я ответил, что решим позже. И тогда, когда от меня меньше всего этого ожидали, я устроил большой обед.

Я пригласил солдат из своего барака и всех капралов роты. На столе было несколько мясных блюд, салат, блюдо из картофеля, сколько угодно пива и скверное столовое вино, которое я разливал в маленькие стаканчики. Вино, стоившее 25 су за бутылку, было предметом величайшей роскоши. Обед завершился рюмкой водки. Нас было четырнадцать человек, и всё это обошлось мне в 21 франк.

Но на завтрак, который я часто устраивал для обитателей барака, каждому полагались маленькая булка и рюмка водки. Солдаты, промышлявшие этой торговлей, приносили всё это ещё до того, как мы успевали встать, и мы, каждый завернувшись в свой вещевой мешок, завтракали, разговаривая друг с другом. Ничто на свете не доставляло солдатам большего удовольствия.

Один молодой капрал особенно усердно занимался моим обучением. Считая меня большим новичком в военном деле, этот капрал, очевидно, полагал, что я столь же несведущ во всём остальном. Однажды, когда мы вместе гуляли по берегу моря, он решил объяснить мне, что такое прилив и отлив. Тут уж настал мой черёд взять реванш, и я сказал ему,

что прекрасно помню: когда Цезарь привёл римские легионы к берегам Океана, солдаты были поражены этим явлением, которого не бывает в Средиземном море. Он остолбенел от изумления.

18 октября меня произвели в капралы в той же роте. В моём образе жизни ничего не изменилось: я всех знал и все знали меня. И всё же именно тогда мне пришлось столкнуться с самыми серьёзными испытаниями. Поначалу мне многое прощали, но к капралу, который должен отвечать за других, неизбежно предъявляют более строгие требования.

А я был небрежен, часто ходил неопрятным, беспорядочно тратил деньги и не умел толком распоряжаться своим временем: всё откладывал до последнего, а нередко — и до того момента, когда было уже слишком поздно. За эти недостатки меня не раз наказывали и ещё чаще делали мне выговоры.

В середине ноября мой полковник уехал в Париж, чтобы присутствовать на коронации Императора. Он благоразумно не стал давать мне ни малейших надежд относительно моего будущего: не сказал, когда собирается произвести меня в сержанты и когда я смогу рассчитывать стать офицером.

— Сейчас для вас наступил период испытаний, — говорил он мне. — Вы должны скрывать преимущества своего положения, забыть самому и заставить забыть других, что когда-нибудь вы будете ими командовать. Наконец, вам следует до конца сыграть свою роль солдата и капрала. Вы ведь так хорошо играли комедию в Маре и Меревиле — почему

же не сыграть её здесь?

Я отвечал ему, что здесь спектакль слишком длинный, пьеса скучная, костюмы отвратительные, актёры бездарные и, наконец, нет ни одной актрисы.

Итак, я остался один среди множества людей, из которых никто не мог меня понять; никто даже не знал имён дорогих мне людей и мест, где прошла моя жизнь. Я уже рассказал, как нас кормили, одевали и размещали. Ненастный сезон делал и без того суровый быт ещё тяжелее. Мы едва могли выходить из барakov, а поскольку нам не разрешалось иметь освещение, приходилось ложиться с наступлением темноты.

Мне было чуть больше двадцати лет; уже два года я жил самостоятельно. Какой контраст с той жизнью, что вели в Париже и которую я сам вёл ещё прошлой зимой! Наступление темноты навевало на меня невыразимую тоску: в этот час заканчивался наш день и начинались парижские вечера, и с тех пор я никогда не слышал сигнала отбоя без щемящего чувства.

Однажды вечером я нёс ужин сержанту, стоявшему на карауле. Это был один из последних погожих дней осени. На полпути я сел, посмотрел на закат, последние лучи которого уже готовы были исчезнуть, и задумался о светской жизни, об элегантных нарядах, о прелестях беседы. Мой взгляд упал на подкованные сапоги, на брюки и грубую холщовую рубаху, на глиняный горшок с незатейливым ужином моего сержанта, — и я залился слезами.

И всё же я не падал духом. Прежде всего, лёгкость юных лет делала мои впечатления переменчивыми. Грусть сменялась весельем, а шутки и песни солдат забавляли меня так же, как и в первый день. Звание капрала придавало мне некоторую значимость; я гордился своим выбором и считал делом чести не отступать от него.

В это время я узнал, что несколько моих молодых друзей недавно играли комедию в Париже, почти на публике, вместе с женщинами, готовившими себя к театральному поприщу. Но даже на фоне таких развлечений я не жаловался на свою участь капрала и на солдатский котелок.

Меня назначили капралом по провианту, и зимой эта должность была весьма тяжёлой: в любую погоду приходилось отправляться в Этабль, почти за два километра от лагеря, чтобы покупать овощи. Известно, что капрала по провианту всегда сопровождает один солдат, чтобы присутствовать при заключении сделок. По обычаю капрал и солдат вместе выпивали рюмку за счёт роты; я подал прекрасный пример, которому впоследствии следовали немногие, — платил за эту выпивку из собственного кармана, и рота была мне за это очень благодарна.

Солдаты нисколько не стеснялись обманывать торговцев, и люди, в остальном вполне честные, считали это совершенно естественным. Убеждённые, что их обманывают все — от министра до фельдфебеля, от армейских поставщиков до крестьян, — они считали мелкие кражи, которые удавалось

совершить самим, вполне законным возмездием.

Полковник Лакюэ вернулся в начале января. Он остался доволен моим поведением, но о повышении ничего мне не сказал. Каждый полк выделял отряд для охраны канонерских лодок в Этапле; отряды эти сменялись каждый месяц. Меня назначили в отряд, который должен был отправиться на лодки 1 плювиоза (21 января). Военные всегда знают, когда подходит их черёд, а моя очередь ещё не наступила.

Я пожаловался аджюдану, который принял меня весьма неприятливо. Тогда я обратился к полковнику, объяснив ему, что уже три месяца служу капралом, что провёл в этом звании самое суровое время года и выполнял обязанности при самых тяжёлых обстоятельствах, что не понимаю, какой мне прок от месяца на лодках, где условия ещё хуже и где для моей карьеры это совершенно бесполезно, и что если мне всё равно суждено оставаться капралом, то я хотя бы хотел служить в лагере, где можно чему-нибудь научиться.

— Научитесь, — сказал он мне, — терпеть неприятности.

Я заверил его, что в этом отношении за последние четыре месяца он уже вполне завершил моё образование.

Итак, я отправился в Этабль вместе с отрядом. Нас разместили на канонерской лодке в ужасную погоду: мы были предоставлены дождю, снегу и ветру и спали в гамаках, в которых едва могли укрыться от холода. Флот отвечал за наше питание и справлялся с этим, потчруя нас плохим сыром и твёрдым горохом, жаренным в масле. Солдаты выражали

своё крайнее недовольство ворчанием, разбавляя его забавными историями и песнями.

Что касается меня, то всё это мало меня тяготило, и я писал матери: «Я не боюсь ни холода, ни снега, ни ветров, которые здесь изнуряют солдат под моим командованием. Физические лишения, которые для большинства людей значат всё, ничего не значат для того, кто хочет отличиться и надеется в этом преуспеть; у человека всегда достаточно здоровья и сил, если у него есть мужество. Мне гораздо больше жаль солдат экипажа, чем себя: у них меньше возможностей и меньше причин для оптимизма». Мне приятно видеть, что те же чувства, почти в тех же выражениях, проявлялись и в более серьёзных обстоятельствах на протяжении моей дальнейшей службы.

Но меня огорчало положение, которое не оставляло мне никакого занятия, и я никак не мог понять, почему полковник с таким упорством обрёл меня на столь бесполезную повинность. Вскоре я получил объяснение: через пять дней мне сообщили, что я произведён в сержанты и должен вернуться в лагерь.

Значит, это была уловка — испытание моего терпения и характера. Зная своего полковника, я должен был бы догадаться об этом; если бы я был так же проницателен, как и он, и принял эту повинность весело и без жалоб, я заслужил бы в его глазах величайшее уважение.

Ротой, в которую я поступил, командовал очень добрый

человек, беззаботно относившийся к службе и не умевший заставить других служить как следует. Фельдфебелем у него был негодяй, погрязший в долгах, фурыер ничем не лучше, а сержанты — люди весьма порядочные и мягкого характера. Мы жили в одном бараке и питались вместе.

По прибытии в лагерь мне досталось дежурство на неделю, и поскольку в тот день была инспекция, я впервые в жизни провёл смотр всей роты, чем был весьма польщён. Около двух месяцев я пробыл в новом звании, и дел у меня было предостаточно: фельдфебель сидел в тюрьме и был отстранён от должности, один сержант находился в отлучке, другой был отправлен на корабли, третий находился в госпитале. Таким образом, я оказался единственным сержантом в роте, которой так же плохо командовали, как и вели её хозяйство. Для новичка это была нелёгкая работа, и я справлялся с ней как мог.

Именно в это время мне поручили защищать перед военным советом солдата, обвинённого в дезертирстве. Это был человек крайне недалёкий, который действительно не понимал, что делает. Я указал Совету на его ограниченные умственные способности, из-за которых он не мог в полной мере осознавать свою вину, и закончил свою речь следующим заключением:

— Господа, обвиняемому нечего добавить к объяснениям, которые вы только что слышали; именно в простом изложении его поступка он найдёт своё оправдание. Если бы

он был виновен, он попытался бы вызвать вашу жалость, напомним о трёх годах безупречной службы и безукоризненном поведении до этого момента. Но он невиновен: его обвиняют в преступлении, которое он никогда не намеревался совершать. И разве он не вправе надеяться на ваше оправдание, когда вместо того, чтобы умолять вас о снисхождении, он взывает к вашему правосудию?

Обвиняемого оправдали, а капитан-рапортёр, зачитывая ему приговор, любезно добавил, что советует ему больше не повторять подобного: в следующий раз столь хорошего защитника он может не найти.

Этот случай произвёл большое впечатление во всей дивизии: все обвиняемые солдаты захотели, чтобы их защищал я. Я согласился защищать некоторых из них и всегда добивался успеха, если дело было не слишком безнадежным.

Мой фельдфебель вышел из тюрьмы и вновь приступил к своим обязанностям, но ненадолго: я невольно стал причиной новой неприятности, которая окончательно его погубила. В первых числах марта этот несчастный фельдфебель пригласил меня на обед, который один из его друзей устраивал в Этапле. В тот день у унтер-офицеров были учения. Полковник спросил, почему меня там нет, и аджудан ответил, что я нахожусь на дежурстве. Действительно, я числился дневальным у склада обмундирования. Но один капитан видел меня в Этапле вместе с моим фельдфебелем. На следующий день полковник вызвал меня к себе и устроил мне

основательный выговор за то, что я покинул место службы. Я ответил, что он, по-видимому, не совсем понимает, в чём состоит дежурство дневального при складе: после построения и прохождения парадом сержант являлся к капитану, заведующему обмундированием, за распоряжениями; капитан отвечал, что распоряжений никаких нет, после чего сержант возвращался в лагерь и в течение 24 часов был свободен. Так продолжалось с самого моего прибытия, и я лишь следовал общему примеру.

Полковник стремился знать всё, что происходило в его полку, и особенно не любил, когда его осведомлённость ставили под сомнение. Поэтому он пришёл в ярость: разжаловал сержанта, занимавшего этот злополучный пост до меня и не потрудившегося передать мне порядок несения службы.

По всем правилам следовало разжаловать и меня вместе со всеми сержантами полка, поскольку, как я уже говорил, вот уже год все поступали именно так. Некоторое время спустя фельдфебель был разжалован и назначен сержантом в другую роту. Меня же даже не посадили под арест. Но самое удивительное заключалось в том, что через пятнадцать дней мне отдали должность фельдфебеля — того самого, чью опалу я невольно довёл до конца.

Прежде чем говорить об этом новом звании, я хочу сделать несколько замечаний о полке, который я к тому времени уже успел узнать довольно хорошо.

59-й полк отличился в войнах Революции и входил в со-

став дивизии Дезе при Маренго; за храбрость, проявленную в тот день, десять унтер-офицеров и солдат получили почётные ружья.

В 1802 году полк стоял гарнизоном в Клермон-Ферране, когда там состоялось торжественное введение в должность нового епископа, г-на де Дампьера, в соответствии с конкордатом. Сегодня нам трудно представить, насколько странными тогда казались военные церемонии по религиозному поводу и почести, оказываемые епископу. Поэтому капельмейстер полка решил исполнять в соборе самые нелепые песенки, например «Ах, какая красивая птичка, мама», причём нарочно выбирал для этого момент, когда епископ входил в собор. После этого полк отправили в Люксембург, где тогда ещё находилось его полковое депо⁸.

Я уже упоминал, в каком беспорядке прежний полковник оставил хозяйственную часть; военная подготовка была запущена не меньше, и здесь всё приходилось исправлять — вернее, создавать заново.

Как видно из приведённого выше состава лагеря, в полку было два батальона, укомплектованных до 800 человек каждый. Ими командовали два батальонных командира: господа Савари, брат герцога Ровиго⁹, — живой, энергичный,

⁸ Депо полка — это тыловая база воинского полка, которая использовалась для пополнения, набора рекрутов, обучения новобранцев, а также для хранения резервов, снаряжения и оружия. (Прим. пер.)

⁹ Анн Жан Мари Рене Савари, герцог Ровиго (1774–1833) — дивизионный генерал, министр полиции (1810–1814). (Прим. пер.)

вспыльчивый, непостоянный в службе; и Сильберман, эльзасец, — холодный, методичный, всегда отличавшийся безупречной выправкой. Оба впоследствии сами стали командирами полков и, как и их полковник, погибли с честью на поле боя.

Лакюэ хотел завести в полку тайную полицию — пример, которому я не счёл нужным следовать, когда сам впоследствии имел честь командовать полком. Донесения такого рода иногда бывают ложными, и всегда — преувеличенными; слишком большое значение придаётся необдуманным словам, и есть опасность, что полковник несправедливо отнесётся к хорошим офицерам. Есть слова, которых не следует слышать, и вещи, о которых лучше не знать.

Я мог бы привести поимённый список офицеров 59-го полка с краткими характеристиками о каждом из них, но такой перечень был бы слишком утомителен, поэтому ограничусь общими наблюдениями, назвав лишь несколько имён.

Офицеры выходили из унтер-офицерских чинов; все они прошли войну, а большинство были людьми малообразованными. Некоторые, желая восполнить этот недостаток, пытались получить хотя бы какое-то образование, довольно бессистемное. Манеры у них были простонародными, а учтивость — солдатской.

Самым выдающимся из них был капитан Батист, впоследствии ставший полковником 25-го лёгкого полка. Самым оригинальным был капитан Виллар — гасконец по рожде-

нию и характеру. Он до крайности преувеличивал число своих подвигов и ранений, хотя многие из них действительно имели место. Сен-Мишель, мой первый подпоручик, впоследствии стал дивизионным генералом и командовал военным округом Тулузы.

Фельдфебели, с которыми я прожил бок о бок пять месяцев, ничем не отличались от офицеров. Офицеры сами когда-то были сержантами; сержанты же могли стать офицерами. Многие из них могли бы подняться выше остальных, но у них было лишь самое начальное образование, а за душой — ни гроша. Некоторые пристрастились к выпивке и едва дослужились до чина поручика или капитана.

Для человека хорошего воспитания всегда тяжело провести несколько лет в положении солдата или унтер-офицера.

Декур, молодой человек моих лет, служивший, как и я, сержантом в той же роте, очень забавлял меня своей оригинальностью. Он происходил из знатной семьи Кастильонеса — чем весьма гордился, — и во всём полку я знал только его одного, кто получил настоящее образование. Он любил литературу, и мы много читали вместе.

Такой же гасконец по характеру, каким был по происхождению, он должен был стать фельдфебелем у Виллара. Невозможно представить себе, сколько историй он выдумывал о себе и о других. Но его мужество не было гасконским хвастовством: на войне он отличался блестящей храбростью; в мирное время, пожалуй, я мог бы добавить к этому, что

он был задирой и дуэлянтом, если бы мне пристало подробно останавливаться на недостатках товарища, который всегда проявлял ко мне искреннюю дружбу.

Самыми несчастными в лагере, без сомнения, были фельдфебели — хранители ротной казны, которую капитану следовало бы держать у себя в бараке, где она была бы в большей сохранности. Сегодня устав справедливо запрещает капитанам передавать эти деньги другим лицам. Капитан, оставаясь ответственным за них, в случае недостачи, был бы вынужден возместить её из своего кармана, но мог бы отомстить, добившись разжалования фельдфебеля. Поэтому фельдфебель постоянно опасался стать жертвой кражи, и даже самая небольшая недостача казалась серьёзной для военнослужащего, жившего на скромное жалованье.

Но были и другие опасности — опасности искушения. В то время жалованье выплачивалось за всех военнослужащих роты, числившихся присутствующими, а при последней выплате за квартал из него удерживались суммы за все дни отсутствия. Таким образом, в течение трёх месяцев фельдфебель держал у себя довольно значительную для солдата сумму, отчитываясь за неё лишь в конце квартала. Имея деньги под рукой, часто измученный холодом, сильной жарой или целым днём под дождём, он должен был отказывать себе даже в бутылке пива или рюмке водки, не говоря уже о бутылке вина, которая была большой роскошью. Те, кому не хватало силы воли, оказывались в затруднительном положении,

когда наступало время сводить счета. Поэтому считалось общепринятым, что фельдфебели не могли прожить на своё скромное жалованье, и именно к ним вполне подходили слова г-на Талейрана: «Я не знаю никого, кто мог бы прожить на свои доходы».

Несколько капитанов говорили об этом прямо, добавляя, что желают знать о тех небольших ухищрениях, какими пользовался фельдфебель. Речь шла о нескольких отсутствующих, которых записывали присутствующими, о нескольких днях пребывания в госпитале, которые старались скрыть.

Куда строже относились к махинациям, жертвой которых оказывался сам солдат; например, когда на счёт новобранца, не знавшего, что ему причитается, записывали обмундирование или деньги, которых он на самом деле не получал. Таким образом, обокрасть частного человека считалось преступлением, а обокрасть государство — всего лишь мелким проступком. Такова была странная мораль, к которой приводило недостаточное жалованье.

Солдаты знали об этих уловках и судили о них по-своему. Они говорили:

— Фельдфебель знает арифметику: поставь ноль, а девять держи в уме.

К тому же дурной пример всегда даёт свои плоды. Поскольку количество леса, выделенного на строительство барачных, казалось недостаточным, солдатам разрешали по ночам рубить деревья в соседних лесах. Чтобы положить конец

такому злоупотреблению, понадобились самые строгие распоряжения Императора.

Как же после этого можно было требовать честности от фельдфебелей и капралов по провианту — как по отношению к солдатам, так и к торговцам? Впоследствии было решено достойно платить военным служащим, и тогда уже от них можно было требовать честности по всей строгости.

Когда я был фельдфебелем, у меня украли 300 франков. Товарищи выразили мне своё сожаление, попросив лишь позволения добавить, что они были рады, что эта беда случилась со мной, а не с кем-нибудь из них: 300 франков были для моей семьи лишь небольшой потерей, тогда как ни один другой фельдфебель не смог бы перенести такую утрату.

Булонский лагерь, левым флангом которого был лагерь Монтрёй, оставил глубокий след в истории нашего времени. Все военные знают о преимуществах сосредоточения войск в лагерях. Булонскому лагерю приписывают заслугу успехов, которых мы добились в последующих кампаниях; обычно нас представляют постоянно занятыми военными работами и всевозможными упражнениями. Поэтому я удивлю своих читателей, сказав им, насколько мало наши начальники в лагере Монтрёй заботились о нашей подготовке и как плохо использовали столь драгоценное время.

Маршал Ней провёл два крупных манёвра осенью 1804 года и ещё столько же в 1805-м; я участвовал в них сначала простым солдатом, а затем офицером. Это было большой по-

мехой и чрезвычайно утомляло: мы выступали ещё до рассвета, после утренней похлёбки, и возвращались уже ночью, получая в течение дня лишь порцию водки.

Генерал Малер, сменивший генерала Партуно, собрал дивизию всего около трёх раз, да и маневрировали мы плохо. Бригадных манёвров вообще не проводилось, сам генерал даже никогда не приезжал в лагерь. Каждый полковник обучал свой полк как хотел; проводились кое-какие теоретические занятия, обучали новобранцев, а каждую весну заново начинали практическую подготовку всех унтер-офицеров — начиная с положения солдата без оружия. Однажды генерал Малер даже объявил, что намерен выдать офицерам ружья и поставить их в строй для обучения в качестве взвода. Ему объяснили, что солдаты будут над ними смеяться, и, к счастью, этот замысел так и не был осуществлён. Мне и без того казалось достаточно нелепым желание обучать унтер-офицеров как новобранцев, объясняя им то, что они уже знают и чему сами должны обучать других; поэтому ничто не раздражало их сильнее.

Однажды адъютант-майор¹⁰ назначил старого сержанта обучать новобранцев. Тот ответил со своим провансальским акцентом:

— Я для этого не гожусь, господин. Я строевого дела не

¹⁰ Адъютант-майор — офицер, который отвечал за административную работу, дисциплину, строевую подготовку и внутренний порядок в батальоне или полку. (Прим. пер.)

знаю. Если бы знал, мне бы его не показывали; а если не знаю, то и показать не могу.

Начатое таким образом обучение всех категорий продолжалось вплоть до батальонной школы. Полк редко собирали для манёвров в развёрнутом строю; проводили несколько военных прогулок, которые представляли собой простой марш, вроде небольшого дневного перехода; устраивали несколько стрельб по мишеням, без какой-либо методики; не было ни школы стрелков, ни обучения штыковому бою, ни фехтовального зала. Никому ни разу не пришло в голову построить даже самое простое полевое укрепление. Ни одному офицеру не поручали даже самой незначительной работы по разведке местности. Я уже не говорю о полковых школах, которые было так легко организовать и о которых тогда никто даже не подумал. Занятия с солдатами по арифметике или обучение грамоте показались бы тогда чем-то совершенно странным. Гораздо лучше было напиться, если были деньги, или спать, если денег не было.

Соседние с нами полки поступали не лучше, и, думаю, то же самое можно сказать о первой и второй дивизиях, чей пример всё равно невольно увлёк бы нас за собой. К счастью, столь долгое безделье не привело к ещё большим беспорядкам.

В начале марта каждой роте отвели небольшой огород для возделывания — весьма неплохое средство занять солдат и без лишних затрат обеспечить их овощами. Однако они и

на это жаловались — настолько привлекательна бывает лень. Солдаты, увы, подобны детям, как, впрочем, и большинство людей: им приходится делать добро против их воли.

Во время одного из тех военных переходов, о которых я только что говорил, мой подпоручик небрежно заметил, играя своей саблей:

— Сержант, мы совершаем прекрасную прогулку.

— Да, господин подпоручик, — ответил я, — но мне, который тащит на себе ранец и ружьё, кажется, что прогулка немного затянулась.

Чем же занималась вся эта молодёжь в свободное от учений время, когда не требовалось чистить оружие и следить за собой — за этим, по крайней мере, следили достаточно строго? Могу сказать совершенно точно — ничем. Спать днём после того, как проспали всю ночь, петь песни, рассказывать истории, иногда ссориться неизвестно из-за чего, читать кое-какие плохие книги, которые удавалось достать, — такова была их жизнь. У сержантов было то же самое времяпрепровождение, что у солдат, а у офицеров — то же, что у сержантов.

Нравы были лучше, чем можно было бы ожидать. Прежде всего, мы вовсе не видели женщин: в Монтрёй, находившийся в трёх лье отсюда, мы никогда не ходили. Если в Этапле и имелись какие-то возможности для этого, ими пользовалась вторая дивизия, стоявшая там лагерем. Конечно, в окрестностях можно было встретить крестьянок, но у этих крестьянок

были родители, мужа или возлюбленные, а также духовники, так что их можно считать лишь редким исключением.

Я убеждён, что за всё время существования лагеря едва ли один человек из пятидесяти имел хоть какие-то отношения с женщиной. Скажут, пожалуй, что подобное лишение должно было порождать беспорядки иного рода? Без сомнения, такие случаи были, но их было очень мало. Я могу утверждать это с уверенностью, ибо когда люди живут так тесно друг с другом, всё происходящее становится известно.

На самом деле об этом почти не думали. Этот опыт заставил меня считать сильно преувеличенными рассказы о дурных нравах в монастырях; тем более что монахи считают своим долгом отгонять от себя все те мысли, которым мы так охотно предавались. В самом деле, если мы и сохраняли благоразумие, то лишь из-за отсутствия возможностей. Стоило случайно появиться хотя бы одной женщине, невозможно вообразить, какое возбуждение вызывало её присутствие; и эти солдаты, столь смирные в лагере, все как один желали бы, стоя в гарнизоне, обзавестись любовницей.

Мне незачем говорить, что о религии здесь не было и речи. Полки ходили на мессу только в городах; ведь, по странному противоречию, Император считал, что набожность приличествует женщинам, но не мужчинам. «Я не хотел бы иметь набожную армию», — говорил он; в этом отношении он, без сомнения, мог быть доволен. Но мне довелось заметить, как пагубно влияет отсутствие разговоров о рели-

гии с большим собранием людей. Ничто не напоминает им об их обязанностях; а забвение благочестия вскоре приводит к забвению нравственности.

Впрочем, сколь бы неполными ни были занятия в лагере, армия всё же извлекла большую пользу из долгого пребывания там. Самым важным было то, что мы привыкли жить вместе и научились узнавать друг друга.

Прежде всего лагерная жизнь готовила нас к маршам и бивуаку. После столь неудобных условий лагеря мы уже не были привередливы, и мне доводилось видеть бивуаки, которые были гораздо лучше наших барakov.

Кроме того, генералы, штабные офицеры и старшие офицеры различных частей, уже долго находившиеся вместе, хорошо знали друг друга и взаимно друг друга ценили. Если в какой-нибудь бригаде полковники были слабы — генерал внимательнее следил за исполнением своих приказов; если же, напротив, генерал был мало способен — полковники между собой договаривались и весьма почтительно подсказывали ему, что следует делать. А следуя их указаниям, тот считал, что командует сам.

Странности и недостатки характера, которые со стороны новичка могли бы вызвать раздражение или тревогу, здесь уже воспринимались по достоинству. «Генерал немного криклив, — говорили, — пусть себе кричит, скоро он об этом забудет».

Сам маршал Ней впоследствии использовал это знание в

дальнейших кампаниях. Он знал, что такой-то участок поручен генералу, на которого можно положиться, и больше о нём не беспокоился, направляя внимание на участки, занятые генералами или командирами частей, внушавшими ему меньше доверия.

Между различными частями установились товарищество и благородное соперничество. 6-й и 9-й лёгкие полки, 59-й и 96-й линейные полки отличились при Маренго. Однажды, говоря о 32-м полку, Император сказал: «Я был спокоен: 32-й был там».

Одни стремились оправдать такую славную репутацию, другие — заслужить её сами. Именно это единство, это доверие, это знание достоинств, талантов и даже недостатков каждого — всё это способствовало нашим успехам; и именно таким был результат долгого пребывания армии в лагерях.

Я прервал свой рассказ, чтобы сделать несколько общих замечаний о полке и о жизни, которую мы вели в лагере; теперь, после всего вышесказанного, они будут понятнее, а заодно прояснят то, о чём пойдёт речь дальше.

Я продолжал свою солдатскую и унтер-офицерскую службу и должен признать, что, хотя это положение порой доставляло мне немало затруднений, впоследствии я извлёк из него пользу для своей карьеры. Живя среди солдат, я узнал то, о чём иначе никогда бы не узнал и что пригодилось мне в дальнейшем, когда мне самому довелось ими командовать.

Я уже говорил, что только что был произведён в фельд-

фебели — и, к несчастью, в той же самой роте, худшей во всём полку. Беспечный капитан, не вникавший ни в какие подробности; ни одного поручика; старый служака-подпоручик; фельдфебель, разжалованный за дурное поведение; ленивый фурыер; никудышный капрал, развращавший всех остальных; сержанты — мои товарищи по бараку, добрые, но безвольные люди; и самый достойный из них, Декур, о котором я уже говорил, приятный в общении, но доставлявший немало хлопот своим тяжёлым характером — вот все, на кого я мог рассчитывать.

Я был произведён 1 жерминаля (22 марта). Нужно было подвести итоги за квартал; мой предшественник был должен всей роте и отрицал часть своих долгов. Начались бесконечные требования расчёта, а капитан не умел воспользоваться своей властью — ни заставить солдат замолчать, ни добиться справедливости для них. Чтобы навести в этой роте порядок, потребовалось бы истратить 500 франков. Вот какво было начало для молодого фельдфебеля, чьё продвижение по службе и без того вызывало недовольство и зависть! Столько трудностей и разочарований сделали тягостным для меня это новое звание, которого я так желал и которым в глубине души очень гордился. Поэтому должен честно признаться: хорошим фельдфебелем я не был. Однажды квартирмейстер прямо сказал об этом полковнику, к большому неудовольствию последнего.

Жизнь солдата и унтер-офицера начинала меня утомлять.

Мне обещали, что через несколько месяцев я стану офицером, но чем ближе подходил этот срок, тем яснее я понимал, насколько это трудно. Денег у меня не было, да я и не просил их; правда и то, что я влезал в долги. Это положение меня печалило и раздражало. Вместо того чтобы приложить усилия и преодолеть трудности, я небрежно относился к службе, а мой несчастный капитан не умел ни направить меня, ни поддержать, ни сделать мне выговор.

И всё же я приближался к самому важному моменту, который должен был бы заставить меня проявить всё своё усердие. В полку освободилось место подпоручика, и по старому республиканскому закону кандидата на это место выбирали сами офицеры — закону, который Империя ещё не успела отменить. Подпоручики голосованием избирали трёх кандидатов из числа унтер-офицеров, а поручики выбирали одного из этих трёх. При замещении должности поручика действовали так же: поручики выдвигали трёх подпоручиков, а капитаны выбирали одного из них.

Полковник всегда хотел добиться моего назначения именно таким способом: это и впрямь было более почётно. Но как получить его от офицеров, уже раздражённых моим продвижением, которого я не слишком-то заслуживал, особенно в последнее время? Тем более что среди унтер-офицеров у этих офицеров были друзья, бывшие товарищи по службе, давно ожидавшие этой столь важной для их будущего награды и заслуживавшие её больше меня.

Однако власть полковника, желание сделать ему приятное и особенно страх вызвать его недовольство — в то время власть командиров частей была огромна — всё это в конце концов преодолело сопротивление, и 26 мая я был произведён в подпоручики.

Но прежде чем официально вступить в новый чин, требовалось утверждение Императора, а до тех пор я должен был продолжать службу фельдфебеля. В это время появился указ, требовавший четырёх лет службы до производства в офицеры. Старых военнослужащих этот указ привёл в восторг, а меня — в сильное беспокойство. Утвердят ли моё производство? Оно состоялось до обнародования злополучного указа; но Император не слишком считался с установленными правилами и, возможно, пожелал бы немедленно применить указ, изданный в угоду старым солдатам.

Полковник счёл за благо подождать; однако через месяц всё же решил оформить моё производство. Инспектор по шмотрам согласился выплачивать мне офицерское жалование ещё до указа об утверждении. Всё готовилось к высадке в Англии; одновременно говорили о разрыве с Австрией. Война, стало быть, была неминуема, и он справедливо рассудил, что перед лицом неприятеля у меня не отнимут чина.

Поэтому 2 июля я был официально принят в новый чин перед строем полка, и это назначение было встречено в целом гораздо лучше, чем можно было ожидать. Прежде всего, его всегда ожидали; моя солдатская и сержантская служба

была лишь временной игрой, и все прекрасно знали, что я поступил в полк только для того, чтобы стать офицером. Моё назначение доставило удовольствие полковнику, расположения которого все стремились заслужить. Несколько подпоручиков, воспитанных лучше остальных, были рады получить меня в товарищи.

Наконец, несмотря на зависть, которую я вызывал, и на некоторые упрёки, которые мне можно было предъявить, в полку меня любили. Мне ставили в заслугу то, что я безропотно перенёс испытание, которому подвергался уже десять месяцев, и все понимали, что эта служба, столь короткая для других, должна была показаться мне мучительно долгой.

Итак, счастье моё было полным, — как вдруг в тот же вечер его омрачило одно весьма печальное событие.

На следующий день для всего корпуса должна была состояться учебная посадка на суда. 27-й полк, находившийся в лагере Сен-Жосс на левом берегу Канша, пришёл провести ночь в наших бараках. Офицеры и солдаты — все старались как можно лучше принять новых гостей, и для обоих полков это был настоящий праздник. Вечером мы все собрались в кафе — большом бараке, построенном на краю лагеря. Когда я вошёл, шум и духота ударили мне в голову, так что мне не составило труда окончательно напиться. К полуночи нас там осталось всего семеро или восьмеро.

Капитан полиции Лафосс, который был с нами, заметил, что полковник ходит по улицам лагеря и, возможно, будет

недоволен тем, что мы так долго остаёмся в кафе. Кроме того, утром нужно было рано становиться под ружьё, так что нам уже пора было расходиться. Я ответил, что он не имеет права нами командовать, что, будучи офицером, я больше не обязан являться на переключку, что мы вполне вправе оставаться в кафе хоть всю ночь и что, если к построению мы будем готовы, нас не в чем будет упрекнуть. Капитан возразил, и я тоже не уступил. Один из моих товарищей сделал мне выговор и через минуту увёл меня с собой без всякого сопротивления.

После моего ухода несколько офицеров с жаром осудили моё поведение, хотя уже на следующий день сами об этом забыли. Но полковник всё слышал. Невозможно представить себе его гнев. Значит, вот какова была награда за все его старания! Он принял меня в свой полк, быстро провёл меня через все чины; когда понадобилось навести порядок в роте, он почти навязал меня капитану в качестве фельдфебеля. Я ответил на его доверие небрежной службой и долгами. Он, вместо того чтобы разочароваться, добился от офицеров моего производства в подпоручики. И вот в самый вечер моего вступления в новый чин я начал с неповиновения — ослушался капитана полиции. И потому чем больше доброты он мне показывал, тем строже должен был теперь со мной обойтись. В этот раз он делал это уже не для того, чтобы научить меня службе или закалить мой характер, а чтобы наказать меня и оправдаться перед офицерами.

Поэтому, к моему великому удивлению, после глубокого сна, который всегда следует за опьянением, я узнал, что нахожусь под строгим арестом, а у моей двери стоит часовая. Офицер, находящийся под арестом, платил этому часовому три франка в день. Вот так мне помогали расплачиваться с долгами. Это строгое наказание продолжалось пятнадцать дней, после чего последовало ещё восемь дней обычного ареста. В этом случае, как и в других, наказание оказалось чрезмерным и потому не достигло цели. Оно привлекло внимание к проступку, который сам по себе ничего не значил, — всего лишь несколько пьяных слов, не имевших никакого значения, поскольку, отказавшись сначала уйти, я уже в следующую минуту ушёл сам. Капитан Лафосс, с которым я впоследствии об этом говорил, когда он был уже командиром батальона, а я — генералом, заверил меня, что он даже не стал бы отправлять меня под арест.

Я поселился в новом бараке с тремя офицерами. Эти бараки, столь же неблагоприятные для здоровья, как и солдатские, были по крайней мере просторнее и удобнее.

Офицеры, находившиеся под строгим арестом, не могли принимать посетителей, но нельзя же было наказывать моих товарищей по комнате за мой мнимый проступок, и я пользовался теми визитами, которые наносили им.

Один из офицеров был бы очень славным малым, если бы на его беду не получил кое-какого образования, превратившего его в большого умника: он без всякой меры использо-

вал латынь и перед невеждами, и перед учёными, примерно как Партридж в «Томе Джонсе».

Другой был молодым человеком, только что окончившим Пританей¹¹. Ленивый умом и телом, половину жизни он проводил под арестом, а другую половину — зарабатывая новый.

Третий был хорошим военным, который умел только спать, охотиться и командовать строевой подготовкой; наконец, благодаря упорному труду он дослужился до подпоручика — это был предел его мечтаний.

Эти три человека, столь разные по уму и характеру, тем не менее прекрасно ладили между собой, и мне не на что было на них жаловаться.

Эту долгую неволю я использовал, чтобы изучать своё ремесло, не забывая и о литературе. Я до сих пор помню, как меня увлекали комментарии Вольтера к Корнелию. Я пытался состязаться умом с самим автором, мысленно составляя собственные комментарии к тем местам, которые он цитировал; но моя самонадеянность получала достаточно суровый урок, когда я сравнивал заметки Вольтера со своими рассуждениями.

Наконец мой арест закончился, и я явился к полковнику, испытывая даже не столько боль от того, что огорчил его,

¹¹ Пританей (франц. *Prytanée*) — имеется в виду Пританей военный, одно из старейших французских военных учебных заведений. Название восходит к древнегреческому пританею — зданию для собраний должностных лиц в античных полисах. (Прим. пер.)

сколько страх перед нашей встречей. Он встретил меня холодно, печально и строго: он больше не хотел быть для меня никем, кроме моего полковника, раз дружба, которую он мне оказывал, принесла такие плохие результаты. Он прекратил всякую переписку с моей семьёй: не желал говорить обо мне ничего хорошего, но и плохого говорить не хотел. Вероятно, этот случай мог поссорить его с моими родными, поскольку они сочли бы его виноватым и ему пришлось бы сожалеть об отказе от столь приятного общения. Я был рад заверить его, что этого опасаться не стоит. Я сказал ему, что родители, далеко не оправдывая моего поведения, о котором я уже сообщил им, без сомнения, сочтут меня виноватым, раз он меня наказал, и что ничто — ни в их глазах, ни в моих собственных — не сможет умалить ту благодарность, которой мы все ему обязаны. Я, разумеется, не стал добавлять, насколько чрезмерным мне казалось его наказание. Вскоре я вновь увидел всю его прежнюю доброту.

В июле я вошёл в состав отряда, отправленного в Монтрёй, а 1 фрюктидора (19 августа) снова взошёл на канонерские лодки — на этот раз уже в качестве подпоручика. Я был рад выбраться из лагеря, увидеть что-нибудь кроме той равнины, на которой мы стояли, и другие лица, кроме лиц наших солдат. К тому же я был так доволен и горд своим новым чином, что всё казалось мне добрым и прекрасным.

Самый важный момент в карьере военного — это тот, когда он становится подпоручиком. Армия делится на два со-

словия: офицеров и солдат, и между ними лежит огромная пропасть. Аджюдан, хотя и является старшим унтер-офицером полка, всё же относится к солдатскому составу, наравне с последним барабанщиком; подпоручик же уже принадлежит к офицерскому корпусу, как старейший из маршалов Франции.

Если эта разница заметна в гарнизоне, то в лагере она была ещё более ощутима: мы жили отдельно, на небольшом пространстве и почти не имели другого общества, кроме собственного. Поэтому эти два сословия казались разделёнными пропастью. Несколько подпоручиков, которые хотели видеть меня своим товарищем, не могли оказать мне даже самой простой любезности, пока я не стал им равным. Я видел, как унтер-офицеры — друзья, прежние товарищи, с которыми ещё недавно вместе проводили время, — становились подпоручиками, и после этого всякая близость между ними прекращалась. Иногда от одного оставалось лишь доброе слово, от другого — почтительная благодарность: вот и всё, что сохранялось от прежней близости.

Итак, проведя десять месяцев безвылазно в лагере, в столь униженном положении перед офицерами, я вдруг стал им равным и увидел ниже себя весь остальной полк, в котором так долго был лишь товарищем или подчинённым. Поэтому, даже не говоря о дальнейшем продвижении, на которое этот первый шаг давал право, уже само по себе это было неоценимым преимуществом. И им наслаждались бы каждый день,

если бы всю жизнь пришлось оставаться подпоручиком.

Между тем в августе 1805 года так долго возвещавшаяся экспедиция всё ещё не отправлялась. В начале этих воспоминаний я уже рассказывал, с какой тщательностью и искусством все средства для перевозки войск были собраны на побережье; но как переправить эту огромную флотилию в Англию? Можно ли было решиться на переход в присутствии неприятельской эскадры? Или следовало дожидаться прибытия нашего флота, который отвлёл бы внимание англичан, пока мы переправлялись? Оба варианта долго обсуждались.

Достаточно было 48 часов, чтобы вывести нашу флотилию из портов и пересечь пролив. Летом в Ла-Манше бывают продолжительные периоды штиля, во время которых английская эскадра не могла действовать. Поэтому суда, построенные так, чтобы ходить как под парусом, так и на вёслах, могли переправиться даже в присутствии английских кораблей. Зимние туманы давали такое же преимущество. В обоих случаях можно было отважиться на высадку и без помощи нашего флота; а с помощью флота на высадку можно было решиться в любое время года. Таким образом, Англия постоянно пребывала в тревоге.

Ещё в сентябре 1803 года считалось, что мы готовы к экспедиции; однако необходимость завершить оснащение и вооружение, а также тысяча трудностей, которые всегда возникают в последний момент, заставили отложить её до августа 1804 года.

Наконец Наполеон решил дожидаться прибытия нашего флота; этот более осторожный план сулил почти верный успех. Смерть адмиралов Латуш-Тревиля и Брюэса¹² вызвала новые задержки. Адмирал Вильнёв, сменивший Латуш-Тревиля, вышел из Тулона в январе 1805 года. Он должен был соединиться с флотами Бреста и Рошфора, увлечь англичан в Антильское море¹³, а затем вернуться в Ла-Манш. Но Вильнёв был обеспокоен плохим состоянием материальной части флота и неопытностью экипажей. Буря рассеяла корабли и причинила им значительный ущерб. Пройдя 70 лье, Вильнёв вернулся в Тулон, и план снова провалился.

Англия начинала уже не верить в возможность высадки, а поездка Императора в Милан для коронации в качестве короля Италии ещё больше поддерживала эту иллюзию. Однако Наполеон не мог без крайней необходимости отказаться от плана, который уже два года занимал все его мысли и от которого он ожидал столь огромных результатов.

Испания только что объявила войну Англии, и её флот должен был присоединиться к нашему; значит, настало время предпринять последнюю попытку.

Вильнёв вновь вышел из Тулона 30 марта, соединился в

¹² Здесь автор допускает неточность. Адмирал Франсуа-Поль Брюэс д'Эгалье (1753–1798) погиб в сражении при Абукире задолго до описываемых событий. Очевидно, имеется в виду адмирал Этьен Эсташ Брюи (1759–1805), командовавший Булонской флотилией, умерший в марте 1805 года. Латуш-Тревиль скончался в августе 1804 года. (Прим. пер.)

¹³ Устаревшее название Карибского моря. (Прим. пер.)

Кадисе с эскадрой адмирала Гравина и прибыл на Мартинику, но флот, которым командовал Гантом, так и не появился. Встречные ветры удерживали его в Бресте, который по-прежнему блокировал английский флот. Тогда Вильнёв, вместо того чтобы ждать на Мартинике соединения всех эскадр, получил приказ идти на выручку эскадрам Ферроля и Бреста, чтобы наконец вывести их в Ла-Манш. У Ферроля произошло морское сражение, окончившееся безрезультатно; уныние Вильнёва после этого лишь усилилось.

Никто не может сомневаться в личной храбрости этого несчастного адмирала, но его нерешительный и тревожный характер постоянно заставлял его преувеличивать трудности и опасности. Испанцы были для него лишь обузой: «Это они, — говорил он, — довели нас до крайней степени бедствий».

Вильнёв даже не считал французов способными на равных сражаться с англичанами на море и признавался морскому министру, что, имея 29 кораблей, побоялся бы встретить 20 неприятельских. Вильнёв не понимал, что в любом деле не следует слишком бояться неблагоприятного исхода и что на войне особенно верно: кто ничем не рискует, тот ничего и не приобретает. Поэтому он вышел из Ла-Коруньи, получив приказ идти в Брест, но сам толком не зная, что собирается делать.

Тем временем Наполеон в Булони готовил отправление армии. Всё снаряжение уже было погружено, несколько раз проводились учения по посадке личного состава; каждый

полк и каждая рота знали своё место, и отправление могло состояться без малейших затруднений. Одновременно продолжалось строительство барачков, а слухи о войне на континенте становились всё более основательными.

Отправимся ли мы в Англию, в Германию — или же нам суждено провести ещё одну зиму в этом злополучном лагере? Только последний вариант страшил нас.

Наполеон, удивлённый тем, что Вильнёв не появляется, начинал тревожиться, а морской министр ещё больше усиливал его беспокойство, сообщая ему о нерешительности адмирала. Наконец 26 августа стало известно, что Вильнёв, вместо того чтобы идти на Брест, решил вернуться в Кадис; а время года и сосредоточение английских флотов уже не позволяли ничего предпринять.

К счастью, новая коалиция европейских держав позволила Наполеону заменить эту столь часто и столь напрасно обещанную экспедицию большой европейской войной. Поэтому уже на следующий день, 27 августа, после яростной вспышки гнева против неспособности адмирала Вильнёва, сорвавшего самый блестящий план на свете, Наполеон немедленно отказался от этого замысла и отдал приказ выступать в Германию, продиктовав план кампании 1805 года.

Так закончились наши сомнения. Три дивизии лагеря Монтрёй, по-прежнему находившиеся под командованием маршала Нея, выступили к Страсбургу 1 сентября.

Я был в восторге от возможности начать войну в качестве

офицера, и пехотная служба уже не казалась мне тяжёлой: теперь мне предстояло нести с собой лишь шпагу. Император так и не утвердил моего назначения, но я был спокоен, твёрдо уверенный, что на поле боя меня не разжалуют.

Глава II. Кампания 1805 года. Часть первая

*Марш по Германиии. — Бой под Гюнцибургом. — Взятие
Ульма.*

Третья дивизия вы

Следует обратиться к составу лагеря Монтрёй (см. начало первой главы). Войска, указанные там, составляли в то время 6-й корпус под командованием маршала Нея. Не следует забывать, что 59-й полк, историю которого я изложил, входил в состав 3-й дивизии под командованием генерала Малера. (Прим. авт.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.